

ОЛЕГ ЖДАН

НЕБОМ ЕДИНЫМ...

Можно с уверенностью сказать: если в дружбе и понимании живут рядом два народа, если их соединила сама история, нити культуры так же взаимно пронизывают их жизнь. И, в частности, нити художественной литературы. Об этом свидетельствует книга, недавно вышедшая в Минске, в издательстве “Мастацкая літаратура” “Адреса русской литературы в Беларуси – Адреса белорусской литературы в России”. Автор её – известный писатель, краевед, журналист Александр Карлюкевич. Десятки имён в этой книге, десятки литературных судеб их авторов, судеб произведений, повлиявших на развитие и состояние культуры. А в конечном итоге, сыгравших немалую роль в отношениях между нашими народами.

“Любые большие дороги начинаются из малых городов и деревень, из скромных уголков сельской провинции и городских улиц, дворов... – пишет автор в предисловии к книге. – Так и в писательских судьбах”. Автор собрал в книге разные имена, события и факты, которые представили общую картину белорусско-российских литературных связей.

В Беларуси есть несколько регионов, городов, с которыми связано особенно много судеб русских писателей. Это, прежде всего, Брест. Здесь в 1813–1816 годах служил Александр Грибоедов, здесь он написал первые произведения, и, конечно же, многие здешние наблюдения отразились на страницах комедии “Горе от ума”. С Брестом связаны судьбы Фёдора Глинки, Вильгельма Кюхельбекера, Кондратия Рылеева, Петра Вяземского, Алексея Шаховского – и это только начало XIX века. А в 1867–1869 годах русский прозаик Фёдор Решетников заканчивал здесь роман “Глумовы”, очерки и комедию “Прогресс в уездном городе”. В Бресте есть даже улица, названная в память о самобытном русском писателе. Нельзя не вспомнить, что с Брестчиной связана судьба Константина Георгиевича Паустовского, находившегося в городке Кобрин во время Первой мировой войны в составе санитарного отряда. Именно здесь, под раскаты артиллерийской канонады формировался его талант. Вот несколько строк из “Повести о жизни”:
“...К вечеру мы вошли в местечко Кобрин. Земля, чёрная, как каменный уголь, была размешана в жижу отступающей армией. Косые дома с нахлобученными гнилыми крышами уходили в грязь по самые пороги. Ржали в темноте лошади, мутно светили фонари, лязгали расшатанные колёса, и дождь стекал с крыш шумными ручьями...” Позже, вспоминая эти дни, он написал стихотворение, опубликованное уже после смерти писателя, в котором есть такая строка: “Здесь не надо жалеть, здесь не надо любить...” Понятно, что эта строка – о состоянии человека на войне.

Во время Первой мировой служил на Брестчине, в Полесье, и Александр Блок.

Хорошо известно, какую роль город над Бугом сыграл в Великой Отечественной войне. Здесь фашистские войска впервые столкнулись с героическими защитниками Родины. И, конечно, со временем эти трудные дни нашли отражение на литературных страницах. В 1956 году здесь был открыт Музей героической обороны Брестской крепости. Есть в Музее и стенд, посвящённый Сергею Смирнову (1915–1978), автору документальной книги “Брестская крепость”, отмеченной Ленинской премией, а одна из улиц города носит имя писателя. Он является почётным гражданином Бреста. Писали о героических защитниках города и многие русские поэты: Сергей Орлов, Сергей Островой, Лев Ошанин, Николай Доризо, Владимир Кузнецов, Роберт Рождественский... Но и до Великой Отечественной, когда в 1939 году здесь побывала группа русских поэтов – Семён Кирсанов, Борис Горбатов, Александр Твардовский, Дмитрий Кедрин, Владимир Луговской, Евгений Долматовский, – появились стихи, в которых уже возникло ощущение тревоги. Вот строки из стихотворения Владимира Луговского “Беловежская пуца”:

*Снег летит всё студёней и гуще,
И трёхтонки проходят гуськом.
Говорит Беловежская пуца
Монотонным ночным языком...*

Придёт время, и Лев Ошанин напишет “Легенду о защитниках Бреста”.

Есть несколько писательских судеб, достойных отдельного разговора, к примеру, судьба аварского поэта Мухтара Абакарова. Он служил в пограничных войсках в районе Бреста, там и принял бой с фашистами. Был тяжело ранен, но снова пошёл на фронт и воевал в звании старшины Дагестанского кавалерийского эскадрона. Погиб в 1944 году.

Среди защитников Брестской крепости были русские поэты Михаил Петров, Леонид Решетников, Алексей Романов... Воевали на белорусской земле многие поэты и писатели республик Советского Союза. Это и калмыцкий поэт, белорусский партизан Михаил Хонинов, удмуртский писатель Михаил Лямин (автор повести “Четыре года в шинели”), удмуртский поэт, командир пулемётной роты Филипп Кедров (он погиб в феврале 1944 года), татарский поэт Заки Нури (переводы его стихов на белорусский осуществил наш известный поэт Микола Метлицкий) и, конечно же, народный поэт Башкортостана, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, а во время Великой Отечественной войны – начальник связи артиллерийского дивизиона Мустай Карим... Некоторые оставили замечательные строки, стихи других погибли в огне войны.

Вот строки, написанные Мустаем Каримом и переведённые на русский язык Михаилом Дудиным:

*Дрожит земля и звёзды меркнут
От орудийного огня,
И вдруг седая ночь, как беркут,
Накрыла крыльями меня.
Не тронь меня, проклятый беркут!
Земля, освободи меня!
Но кровь течёт, и звёзды меркнут,
И нет поблизости коня...*

В августе 1942 года Мустай Карим был тяжело ранен и около полугода находился в разных госпиталях... Вернулся на фронт уже в качестве военного корреспондента.

Великая Отечественная война породнила многих с землёй Беларуси.

Старшее, да и среднее поколение нынешних граждан России и Беларуси хорошо помнит “Песню военных корреспондентов” Константина Симонова: “От Москвы до Бреста // Нет такого места, // Где бы не скитались мы в пыли, // С “лейкой” и блокнотом, // А то и с пулемётом // Сквозь огонь и стужу мы прошли...” Не забываются и многие иные произведения замечательного

писателя, прах которого, как известно, по завещанию поэта развеян над Буйничским полем у Могилёва. Более тесной связи не бывает...

Содержательная глава посвящена критику и литературоведу Алексею Кондратовичу, его книге “Признание” — сборнику портретов, воспоминаний, полемических статей. Алексей Кондратович внимательно следил за белорусской литературой. “Полагаю — и не без оснований, — что белорусская военная литература лидирует среди всех остальных литератур, — писал он. — Иначе вряд ли образовался бы превосходный авторский тандем Адамович — Гранин, а о Василе Быкове чуть ли не одновременно в Москве вышли две книги русских критиков. Такое не бывает случайно. Я бы сказал, что всесоюзный читатель следит за белорусской литературой так же внимательно, как за русской “деревенской” прозой, в своих лучших образцах, в сущности, равных классике. Мы обычно стесняемся говорить такие высокие слова, отдаём право произнести их потомкам, но ведь бывали случаи, когда говорили их и современники. И не ошибались”.

В 1973 году в белорусском журнале “Нёман” появляются воспоминания Алексея Кондратовича об Александре Твардовском: “Я люблю белорусскую поэзию...” Рецензия “Дни тревог и мужества” в “Октябре” посвящена роману Ивана Чигринова “Плач перепёлки”. В 1978 году в “Литературной газете” помещена рецензия на книгу Алёны Василевич “Одно мгновение” — “От корня белорусской прозы”. В “Литературке” же появлялись рецензии критика на книгу Михася Стрельцова “Журавлиное небо” и на роман Виктора Казько “Колесом дорога”.

Черк А. Кондратовича о творчестве Нила Гилевича — “И этой веры хватит мне надолго...” — напечатанный в “Литературной газете” в 1982 году — доброе слово удивления перед открытием неведомого ранее таланта. Александр Карлюкевич приводит важные слова критика: “Поэзия Нила Гилевича — чистая, многозначная, говорящая с нами как бы сама собой, — и в этом её особенная прелесть”. Продолжая тему связи русской и белорусской литературы, А. Карлюкевич отмечает, что Н. Гилевич перевёл Александра Прокофьева, Бориса Слуцкого, Константин Ваншенкина, Римму Казакову, Владимира Фирсова и многих других, но его собственные стихи переводили относительно мало. Какая судьба ожидает его поэзию в России сегодня? Поэта такого масштаба в постсоветском пространстве смогут заново открыть лишь тогда, когда появятся соответствующие его уровню переводы на русский язык.

“Небом единым...” — так названа эта небольшая рецензия, таково название книги стихов Андрея Вознесенского в переводе белорусского поэта Рыгора Бородулина. И это ещё одно свидетельство взаимосвязи русской и белорусской литературы, свидетельство личной дружбы поэтов.

Однако рассказом о русских литераторах в Беларуси и белорусских в России не исчерпывается содержание этой книги. Важная её часть — связь белорусских писателей с писателями автономных республик России, в частности — с калмыцкими, татарскими, удмуртскими, чеченскими, дагестанскими литераторами.

В беседе А. Карлюкевича с народным писателем Удмуртии Ар-Серги разговор идёт о теперешнем положении писателя, живущего и работающего далеко от Москвы, о его жизненных и творческих проблемах. “Литература — моя взбалмошная подруга и моя строгая супруга, — говорит Ар-Серги, — мой праздник и мои тяжёлые будни, моя удача и непростые поражения. И поэтому я люблю её так, что всё время пытаюсь задушить в своих объятиях. Но она только смеётся...” И далее разговор идёт о творчестве как процессе, о влиянии литературы на реальную жизнь, о писателе как личности, о сегодняшнем читателе... “Литература — мой главный инструмент познания жизни. Никого я не хочу чему-либо учить, а лишь пытаюсь что-то понять сам, а потом уже, по возможности, поделиться с кем-то своим осмыслением действительности...” Интересно, что Ар-Серги, который пишет на удмуртском и русском языках, до 4-го класса школы вообще не знал русского языка. Однако со временем стал чувствовать, что ключом к пониманию мира во всех аспектах является русский язык, и освоил его быстро и глубоко.

Ар-Серги высокого мнения о предназначении литературы: “Пока жив человек, живо Слово, жива Литература. Человек, слово, время — вот три кита,

на которых зиждется литература”. Нынче, конечно, в связи с расслоением общества многие писатели неясно представляют себе образ читателя. “Мой удмуртский читатель не хуже и не лучше других, — считает Ар-Серги. — Я его неплохо представляю — мыслящего вещественными категориями, не любящего выпренности, громоздких фраз и эстетского порхания над темой. Это объясняется его природным, земледельческим мышлением”.

Не обойдён в интервью и вопрос об отношении писателя к белорусской литературе и вообще — к белорусам. Беларусь богата литературными талантами, считает Ар-Серги, это народ самодостаточный и деликатный, говорящий на мягком славянском языке.

(Вот и московский поэт Борис Дубровин писал: “Смотрю на Беларусь, встречаюсь с белорусами — и в душе, и на сердце только светлые чувства...”).

Интервью оказалось содержательным, поскольку авторы хорошо знакомы с творчеством друг друга.

Неожиданным и откровенным получился разговор А. Карлюкевича с народным писателем Чеченской республики Мусой Ахмадовым. Проблем в республике много — и внутренних, и внешних. Однако литература продолжает жить.

Самое значимое событие последних лет — открытие Чеченского государственного молодёжного театра “Серло”. Вопросы в своих спектаклях театр поднимает непростые: как сохранить традиции национальной культуры, возвратиться к духовным ценностям отцов и дедов, как проанализировать прошлое, найти пути к тому, чтобы оно не повторилось.

Беда в том, что чеченский язык теряет свои позиции. Тираж детского журнала на чеченском языке “Радуга” — 3–5 тысяч экземпляров. Причин тому несколько. Во-первых, детских писателей можно пересчитать по пальцам (Зайнап Сулейманова, Саид-Магомед Гелагаев, ещё несколько авторов...). Вторая причина — многие родители дошколят и учеников младших классов желают, чтобы их дети учились на русском языке. Дескать, образование на чеченском сужает перспективы, скажется на будущей профессиональной карьере ребят...

Есть все же лишь несколько молодых писателей, произведения которых построены на осмыслении исторического прошлого и настоящего чеченского народа. Однако среди 50–60-летних литераторов имеются громкие имена: поэзия Лечи Абдулаевой, проза Мусы Бексултанова, Султана Яшуркаева (хотя он живёт в другой стране — в Бельгии), и это не все имена...

Есть проблемы писательские, есть и читательские. Круг читателей старшего поколения сильно сократился: многие погибли в трагические для республики годы, иные бежали от войн в другие страны. Ну, а среди молодых людей мало тех, кто читает вообще, тем более на чеченском языке. Проблема эта всемирная, и связана она с возникновением новых информационных технологий. Однако Муса Ахмадов считает, что книга выдержит конкуренцию с айпадами и айфонами и будет жить параллельно с электронными изданиями.

Заметим, что, несмотря на все проблемы, названные Мусой Ахмадовым, в Чеченской республике переводят белорусскую поэзию. Известный литератор Адам Ахматукаев переводил в последние годы Янку Купалу, Максима Богдановича, а к международному симпозиуму в Минске “Писатель и время” представил творчество 19 белорусских поэтов на чеченском языке: Аркадия Кулешова, Максима Танка, Пимена Панченко, Михася Стрельцова, Рыгора Бородулина, Алеся Бадака, Виктора Шнипа...

Похожие проблемы у многих “малых” народов. В Дагестане четырнадцать письменных языков, естественно, что и носителей языков немного. К примеру, ногайцев сегодня чуть больше ста тысяч, а когда-то это было большое государство — Ногайская орда, — говорит Анварбек Култаев, заслуженный деятель культуры Республики Дагестан. — Нынче ногайцы живут в разных странах.

Национальная литература стала развиваться с появлением письменности — в 1920–1930 годы, и процесс этот был успешным. Дело в том, что у ногайцев богатый и разнообразный фольклор. В устном творчестве присутствуют все жанры и виды литературы: эпос, волшебные-фантастические, богатырские и бытовые сказки, сказки о животных, героические и лирические песни. Поэты и акыны обращались к образам легендарных личностей, героям народных сказок, песен: “Сорок ногайских богатырей”, “Сын Айсылу Амет”, “Шора Батыр”,

“Эрболган”, а также к конкретным личностям — полководцу Эдиге, ногайской царице Суйимбике... Из прошлых веков ногайцы помнят многих поэтов: Кий-иза Тиленши улы, Досманбета Азавлы, Казтувгана Суйиниша, Саркынбая Азавлы и др. С горечью и печалью говорили они о болезненных проблемах родины, о распаде могучего государства на мелкие части и, наконец, об их исчезновении.

Всё это послужило для молодых поэтов животворным родником.

Сегодня произведения ногайских писателей переводятся и на русский язык, и на языки народов Дагестана, и на языки стран Содружества Независимых государств. Налаживаются неплохие отношения и с белорусскими литераторами. Ряд произведений подготовили к печати Микола Метлицкий, Виктор Шнип, Татьяна Сивец... Подборка современной ногайской поэзии помещена в журналах “Полымя”, “Маладость”, в газете “Літаратура і мастацтва”. Это работа, которая обогащает духовно обе стороны.

В заключение приведём несколько строк Анварбека Култаева из стихотворения “Друзьям”:

*Нет ничего друзей дороже —
Я этой дружбою горжусь.
Ведь наша дружба так похожа
На ослепительный Эльбрус!*

Стихотворение это посвящено памяти Янки Купалы и Петруся Бровки.

Судьбы многих литераторов Советского Союза, а нынче — независимых государств — так или иначе связаны с Россией, с Москвой. В разные годы в столице России формировались таланты и белорусских поэтов и прозаиков. Беларусь, в свою очередь, принимала, обогащала духовно российских литераторов, по воле судьбы оказавшихся на нашей земле.

г. Минск